

Серезжа Латкин

**Татьяна
ТИТОВА**
г. Беломорск

Вместо предисловия

Январь 1935 года. Каникулы. Сергей с утра носил воду, колот дрова, а теперь в тишине наслаждается чтением. «Пора наконец-то переписать набело стихи», — решает он и, поставив на полку к учебникам томик Льва Толстого, усаживается за стол. Но вскоре карандаш и бумагу пришлось отложить: пришел одноклассник Слава Палагичев. Обсудили фильмы, которые успели посмотреть в новом звуковом кинотеатре, заговорили об отношениях с девочками.

— Все-таки ты, Сергей, зря... ну она такая хорошенькая... ведь очень хорошая девушка, — смущаясь, произнес Ростислав, узнав, что между другом и красавицей Эльвирой Шефер все кончено. Сергей, волнуясь, делился с другом переживаниями, говорил о рассказе, в котором изложил свои чувства. Разговор прервался стуком в дверь: заглянули «на огонек» Боря Тарутин и Леша Фатнев, веселые, возбужденные. Взаимные приветствия, шутки, смех.

Узнав, что Сергей начал вести дневник, попросили взглянуть.

— Здесь и про меня, — произнес Алексей, — и про Виктора Леонова, про наши новогодние похождения!

Друзья наперебой стали вспоминать первые дни зимних каникул: вечер в школе, танцы в клубе, прогулки с девочками...

— Споем, Сергей... Константинович, — предложил Борис и протянул другу гитару:

*Вечер черные брови насопил.
Чьи-то кони стоят у двора.
Не вчера ли я молодость пропил?
Разлюбил ли тебя не вчера?
Не храпи, запоздавая тройка!
Наша жизнь пронеслась без следа.
Может, завтра больничная койка
Успокоит меня навсегда.*

— Наша жизнь пронеслась без следа, — повторил Сергей есенинские строки. Помолчал и продолжил:

— Лично мы, сидящие товарищи, что увидим в жизни при самых наших лучших обстоятельствах и всех условиях?

Беру, к примеру, Ростислава. Хорошо учиться, поэтому окончит высшие учебные заведения. Выйдет из него хороший инженер или, в крайнем случае, профессор. Какая же дальше цель жизни? Ну, уход в семейную единоличную жизнь. Дети, жена. И в это время, когда будут вот именно дети и жена, ты, милый друг Слава, будешь уже жить для них, для материального, экономического обеспечения. Вот и прошла твоя жизнь, выросли дети, старуха жена; как приходит развязка в драме, и после лишь вспоминаешь борьбу героев, также и тут вспомнишь дни молодости и скажешь даже вслух: «Эх, так ли бы я стал жить, если бы мне вернули мои 20 лет? — Конечно, нет». И конечно, да — думаю я.

Возьмём теперь Бориса. У него нет представления о жизни, он идет туда, куда его тянет жизнь. И что же из этого будет? Только то, что у Бориса к 25 годам будет жена и, наверное, дети. Интересы его жизни окончены в эти годы...

Но вы можете возмутиться и возразить: «Разве нельзя жить счастливо в семейной жизни?» Почему нельзя, можно. Но дело в том, что у тебя дальше нет цели жизни...

Я же лично, наверно, в семейную жизнь войду очень поздно, лет в тридцать или никогда. Мне хочется видеть все народы света, видеть жизнь, обычаи людей Запада, а также их прошлое. Очень влечет и Восток: Греция, Аравия, Персия, Турция, Италия. В жизни я вижу одно: любить, бороться, знать.

Идеал жизни у меня один: многое узнать, испытать на себе, увидеть все народности и в конце дать полезное для общества людского — то есть все описать: что в стихах, что в прозе. В мои силы, конечно, никто не верит, но ведь и я сам не верю, а все же стараюсь достичь намеченного...

Место и время

С 1996 года мне посчастливилось работать в замечательном коллективе редакции районной газеты. День за днем рассказывали мы читателям о текущих событиях, знакомили с интересными людьми, тем самым продолжая летопись края, начало которой было положено нашими предшественниками 12 октября 1930

года выходом в свет первого номера газеты «Беломорская трибуна». Стараясь представить эпоху тридцатых годов, перечитывала заметки, очерки, фельетоны первых корреспондентов газеты.

Место действия — село Сорока, центр самого крупного лесопромышленного и рыбацкого района молодой Автономной Карельской Советской Социалистической Республики. Лесопильные заводы выпускают экспортную продукцию. Рыболовецкие колхозы ведут промысел в Белом и Баренцевом морях. Много говорится о перспективах развития края в связи с введением в эксплуатацию Беломорско-Балтийского канала, морского порта и железнодорожной ветки Сорокская—Плесецк.

Суровый северный край не балует теплом и солнцем. Вместо плодородной почвы скалы да болота. Но стремятся сюда люди, ведь здесь можно найти работу. Вновь прибывшие выходили из вагонов на маленькой станции и озирались в недоумении: туда ли попали? Жилья не видно, голый пустырь. Расспросив местных, выходили на разбитую дорогу и шли, перепрыгивая с кочки на кочку, а то и напрямик по вязкой глинистой грязи, подобно журавлю из старой сказки: «нос отстал — хвост пристал, хвост отстал — нос пристал...»

Вот и огни. На скалистых больших и малых островах теснятся дома. В первом ряду почти у самой воды — крепкие, двухэтажные, шитые тесом, украшенные резьбой. Строили местные судовладельцы, торговцы с расчетом на детей и внуков, продолжателей семейного дела. Но сейчас просторные светлые комнаты занимают всевозможные конторы, школа и детский очаг, редакция и типография, почта, магазин, общежития.

По скале, топким низинам проложены мостки (панели). Одна из таких дорожек ведет к недавно отстроенному Дому социалистической культуры. Смотрите внимательно под ноги: тротуар явно требует ремонта. Оступившись на шаткой доске, прохожий мрачно шутит: «Гвозди — товар дефицитный. Сам понимаешь. Видно, кто из культработников из панели вывернул — прибить там плакат какой или объявление».

За рекой государственные лесопильные заводы «Революция», «Красная звезда», «Пролетарий» и «Большевик». Примета нового вре-

мени — большое строительство: жилые дома, поликлиника, столовая, клуб, детские ясли.

Лесопильные заводы, железная дорога издавна привлекали в Сорочу рабочих, специалистов. Был среди новоселов и Константин Павлович Латкин из деревни Корельское Олонецкого уезда Архангельской губернии. Окончив сельское училище, Константин зарабатывал на жизнь на Онежских лесопильных заводах сначала рабочим, затем служащим по заготовкам бревен. Летом 1917 года определен на должность заведующего продовольственной лавки на станции Шуерецкое. Прибыл на новое место с молодой женой Параскевой Семеновной. 1 ноября 1917 года родился первенец, при крещении мальчику было дано имя Сергей. Через три года появилась на свет дочь Нина. В 1925 году Константин Павлович поступает на должность десятника пятого участка службы «Желлес» Мурманской железной дороги. Латкины строят дом в Сорочке. По семейным преданиям, выбор этого населенного пункта для постоянного места жительства был связан прежде всего с заботой отца об образовании детей. Вот только Константину Павловичу не было суждено увидеть, как растут и учатся сын и дочь.

Лучший пионервожатый Карелии

Неполная средняя школа станции Сорочская обучала детей работников железной дороги. Среди учеников — Сережа Латкин. Спустя несколько лет студент Латкин в одном из своих рассказов изложит яркие впечатления школьных лет (здесь и далее в цитатах сохранена авторская орфография, пунктуация и стилистика. — Прим. ред.):

«Интересное и счастливое у Кости было детство... С первого класса, девятилетним мальчиком он вошел в общественную жизнь школы. Вначале вступил в октябрята, потом с третьего класса в пионеры. При школе была хорошая пионерская база, которая имела свой клуб, в стенах которого протекало все свободное время. Здесь Костя состоял членом драмкружка, пел в хоре (кстати: голос имел он приятный, чем восторгались многие товарищи), был членом редколлегии стенной газеты отряда. Частые пионерские сборы, вечера самодеятель-

ности, кино, участие в кружках, учеба занимали его время. Лето приносило новые радости: пионерские лагеря в деревне, воздух, жизнь в палатках. Как задорно Костя купался, играл в футбол! Он так втянулся в эту общественную жизнь, так любил ее, что разлука с родителями меньше трогала его, чем разрыв с коллективом».

Первые пионерские отряды действовали при заводах, заводских и сельских клубах. С 1931 года пионерские базы организуют при школах. Вопросом, где взять пионервожатых, занимались комсомольские организации, мобилизуя на работу юношей и девушек, не особо интересующихся желанием последних.

Каким должен быть пионервожатый? Возраст, как правило, не моложе 18 лет. Образование — не ниже семи классов школы в городе и в промышленных районах, не ниже четырех классов в сельской местности. Должен иметь хотя бы элементарное понятие об истории детского коммунистического движения, о программах и учебном процессе школы. Уметь проводить беседы по основным политическим вопросам и о текущих событиях в стране и мире. Иметь знания по противовоздушной обороне, топографии, сигнализации и связи (важно для проведения военной игры с детьми). И, напоследок, знать 9-10 песен и столько же игр.

Пионервожатые Сергей Латкин и Леонид Самуйленок практически полностью соответствовали данным требованиям.

Леня родился в 1918 году в семье фельдшера Станислава Степановича Самуйленка. 1 июня 1933 года Леонид получает свидетельство об окончании Сорочской фабрично-заводской семилетки, а 10 сентября возвращается в родные стены уже в качестве вожатого пионерского отряда. В отряде около 200 человек, в основном дети рабочих лесозавода. Помогают Леониду в его важной и ответственной работе старшечки. Ответственные за спортивные мероприятия — Толя Зелянин и Сережа Кузнецов, за репетиции струнного кружка — Леня Егоров.

«Пионер — всем детям пример», — гласит один из законов юных пионеров. Увы, красный галстук не панацея от двоек и плохого поведения. Пионервожатый Самуйленок со свойственным ему юношеским максимализмом борется с хулиганами:

— Если пионер систематически нарушает дисциплину, то таких гнать из рядов пионеров несмотря на их количество. Исключить половину пионеров, чтобы они своим поведением не разлагали других и не позорили пионерской организации, а оставить таких ребят, которые бы оправдывали звание пионера и вели за собой беспартийных школьников!

В Национальном архиве Республики Карелия хранится письмо Сергея Латкина, адресованное председателю районного бюро Детской коммунистической организации Петру Редькину. Очень живое, эмоциональное, своеобразный рассказ о буднях вожатого:

«Петя! Сообщаю тебе, что дела стоят у меня не очень хорошо, дело со Спартакиадой никак не клеится по следующим причинам: железнодорожные ребята уезжают почти все в лагерь в Медвежью гору 15 июня, остальные маленькие, третьим врач запретил, четвертые уезжают в отпуска, пятые разъехались по деревням из интерната, а маленьких послать нельзя. Подготовка была тоже неважная: нет у них физкультуры, поэтому ребята мало развиты, кроме этого никак не достанешь мелкокалиберной винтовки и противогаза, ну да без этого мы как-нибудь бы и обошлись, но нет вот чорт побери ребят, вот где загвоздка, я бы их вышпикивал на ять, ребята все хорошие целый год без руководства (вожатые, которые были, не черта не делали) и поэтому очень хорошо относятся, особенно националы (очень много украинцев). Зовут меня Сергей Константинович или товарищ Вожатый, что мне смешно, но в то же время горько: ведь я сам только что со школьной скамьи, а уже становишься руководителем этих ребят, которые очень рады, что им наконец дали вожатого.

Итоговый устроили на ять с покрышкой: достали значков ударника с райОНО, я послал ребят двух в Сороку за покупками для премирования, которые закупили у Вас в Сороке на 100 рублей товаров, так что еле привезли. Художественную часть, Петя, подготовили тоже большую. Угощение с чаепитием устроили для лучших ударников учебы вместе с педагогами и мной, вот подшамали, Петя: это да, угощение было лучше чем на заводе в школе и в нашей железнодорожной. Конфет: шоколадных, простых полные вазы, сколько хочешь шамай,

мермоладу тоже полно, булки сдобные ведь сделали из белой муки, сала и песка сахарного. Остальным же всем школьникам выдали одни кулечки без чая, в которых были сласти.

Лагерная кампания проведена. Ребята все осмотрены врачом...

Вот видишь, всё что ты мне говорил, я сделал, кроме Спартакиады. Теперь начинаю заниматься с ребятами прогулками и другими развлечениями. С 15/VI-33 г. делать нечего будет, уедут ребята...»

В середине июня 1933 года Сергей был направлен на работу в пионерский лагерь в село Сумпосад. Два летних месяца пролетели незаметно. Возвращался юноша в Сороку с намерением продолжить учебу, но комитет комсомола мобилизует его на постоянную пионерскую работу в школу станции Сорокская. 16-летнему подростку предстояло руководить без малого двумя сотнями мальчишек и девочек! Справился он с поручением превосходно и даже был избран собранием педагогов района делегатом Первого Всекарельского съезда учителей-ударников, который состоялся в Петрозаводске 3-9 января 1934 года. По итогам 1933/1934 учебного года Сергея Латкина признали лучшим пионервожатым Карелии.

Одноклассники и друзья

1 сентября 1934 года в Сорокской фабрично-заводской семилетке открыт восьмой класс, школа стала именоваться Средней школой лесозавода №2.

В только что организованный в заводской школе восьмой класс поступает Сергей Латкин. Основа — выпускники седьмого «Безбожного интернационального класса имени 17-го съезда ВКП(б)»: старший сын железнодорожника Григория Рыжкова Владимир, Сергей Козырев и Николай Рубцов, мечтающие о военной карьере, дочь рабочего лесозавода Августа Власова, отличники Ростислав Палагичев и Александр Матвеев, красавица и кокетка Зоя Ляпунова, дочь рыбака из села Шижня Мария Лежева, славившаяся красивым, сильным голосом, и ее подруга Нина Тихонова, Григорий Романов и Василий Кукушкин, Яков Жарков и Дмитрий Варфоломеев — оба хорошо учились,

участвовали в общественной жизни школы. Но если энергичный Яша всегда оказывался в центре событий (председатель учкома, пионервожатый), то Митя отличался спокойным характером, рассудительностью.

Нина Тихонова рассказывала, что новенького, Сережу Латкина, в классе прозвали литератором. Он сочинял стихи. Был среднего роста, русоволосый, одевался хорошо, аккуратно. Сергей больше общался с девочками, с ребятами меньше, чувствовал себя взрослее по сравнению с ними. Он и в самом деле был на год старше одноклассников из-за перерыва в учебе.

Сергей планировал всерьез заняться литературой, вел дневник. В дневниковых записях встречаются портреты-описания друзей:

«Ростислав Палагичев: коренастый малый, обращавший внимание, при взгляде на его фигуру, не на длину, а больше на толщину. Каждое его движение чувствовалось физической силой в его мускулах. Глаза, нельзя сказать большие, а также и маленькие, неопределённого цвета, поражали только одним свойством. Это убедительность. В них не горели огни, как это бывает у натур энергичных, жадных, гениальных и т.п., они глядели очень мягко, даже приятно. Их взгляд обыкновенно сопутствовался настроением и мыслями его. Если он задавал вопрос, глаза принимали самую изысканную вопросительную позу; если он сердился, был в злобе против кого-нибудь, глаза его тускнели и как два ядрышка блуждали из-под нахмуренных бровей; если он уверял в чем-нибудь кого-нибудь из школьных друзей или вообще из людей, глаза принимали такой невинный мягкий взгляд, что нельзя было не верить его убеждению. В школе он всегда ходил в черном пиджаке, черной рубашке, черных брюках с маленькими белыми полосками. Пальто его было черного цвета, но слабоватого, верно полиняло. Сшито оно по манеру или фасону средней России, то есть, до пояса плотно прилегало к телу, а дальше шли складки и полы были широкие, как платья светских дам. Шапка была кожаная, мех желтого цвета, походил на собачий. Книги, тетради он носил в папке, самой обыкновенной, советской выделки, которую купил в книгоцентре за рубль восемнадцать копеек.

Учился он лучше всех в нашем классе. И так, кажется, портрет изображен без лишних слов и без упущений главного.

Василий Кукушкин: юноша высокого роста, тонкий на вид, с светлыми волосами, с небольшими, неясного цвета глазами. Лицо его вечно сияло улыбкой; медлительный, однотонный голос отличался среди других голосов своей резкостью. Одежда на нем была невзрачна: пиджак черного цвета, теперь полинявший от долгого употребления и имеющий уже не совсем черный цвет. Такие же брюки. Это человек, который с первого взгляда кажется загадочным и приобретает вследствие своих поступков общее внимание. Он всегда может дать свою реплику или какое-нибудь замечание тому или другому товарищу, постороннему, учителю — все равно. Уроков обыкновенно не выполняет, во время занятий шалит, устраивая разные выходы, вроде того, как натянет струну и издает на ней звуки, другой раз стучит ручкой о гвоздь, а однажды на немецком языке организовал из рядом сидящих товарищей под своим руководством оркестр «кто на чем», так как у кого была струна, у кого домра, самодельная из дощечки, имеющая три струны, которые бренчат сиплым до безобразия голосом, у кого булавка, у кого гвоздь. Для фасона были написаны и ноты со скрипичным ключом, но составленные так, что если бы в действительности по ним играть, то получилась такая бы галиматья, какой, наверно, бы редко мог представить композитор в своем таланте. Черчение ребусов, чтение посторонних книжек во время урока — это обыкновенная история. Общественную работу ведет плохо, почти что ничего не делает. Учится же удовлетворительно... Отличается хорошим запоминанием. Он мог бы иметь учебу лучше всех в классе, за исключением немногих.

Нонна Углова — очень интересная девушка. Стройна, особенной красоты нет, но ее отличает среди других девушек шустрое, подчас бузливое настроение. Она не стесняется подражаться с мальчишками (о девчонках не говорю, само собой понятно). Она дика, ее звонкий, режущий голос, черные волосы, брови, гибкий довольно тонкий стан, украшенный длинным платьем — есть красота, которую редко

кто уважает за плохой ее невыдержанный характер, но красота, которая бросается чаще других в глаза. Она просила меня нарисовать что-нибудь ей, и когда я вечером принес для нее нарисованный вид, то она выхватила его у меня и что дикий тур бросилась бегать, в тайне радуясь моей скудной работе. Я еще обещал ей нарисовать и написать стихов.

Зоя Ляпунова: *девушка среднего роста, с очень интересными очертаниями глаз, со светлым неплохим по красоте личиком. Черные волосы, вплетенные в косички, спускались до плеч, платье светло-серого цвета изящно охватывало ее стан, спускаясь ниже колен. У нее не было плохих, отрицательных сторон в наружности. Училась она лучше всех девочек в классе... Дурная привычка смеяться и закрываться в то время, когда она неправильно что-то скажет учителю во время урока или товарищам — обыкновенно сопутствовала ей».*

Сам Сергей хорошо рисовал, пел и играл на гитаре. Об учебе говорил: «Мой ум встает в тупик перед математическими науками, но со всей силой, тонкостью проникает в гуманитарные науки, как история, литература и др».

Дневник

Из переписки в социальной сети «ВКонтакте».

Елена:

«Сейчас Лариса нашла и передала папин дневник, который он вёл в 1935 году. Ещё не всё прочитала, написано много».

Татьяна:

«Дневник Сережи Латкина. Вот бы взглянуть!»

...И вот я в гостях у Елены Сергеевны. Пьем чай на маленькой кухне, беседуем. Но все мои мысли только о стопке желтоватых от времени листов бумаги, которые лежат рядом. Историки, музейщики меня поймут. Чаепитие завершено, я осторожно беру в руки заветные страницы. Жадно читаю. Страница, другая, третья... Конечно, все не прочесть, времени мало.

Ранее довелось мне читать фронтовые письма Сергея, которые приносила в редакцию Елена Сергеевна. Какие теплые, нежные эти письма! Сколько в них любви и спокойствия! Да,

именно спокойствия. Ведь впереди — Победа, встреча с родными, мирная счастливая жизнь. Не удивительно, что мне так хотелось ознакомиться с дневниковыми записями! Перекладываю странички, пробегаю глазами рукописные строки... Такая реликвия...

Елена Сергеевна, видя мою заинтересованность, предлагает: возьмите себе. Прочтете и вернете.

Надо ли говорить, что приступила к чтению в тот же вечер!

Прочла. Быстро, жадно. Потом второй раз, третий. Это оказался не совсем обычный в моем понимании дневник. Скорее, истории из жизни, размышления. Сергей давал читать эти записи друзьям, чтобы узнать их мнение о том или ином событии.

Об этом обязательно надо рассказать, решила я, и испросила разрешения у Елены.

Первая мысль — опубликовать сам дневник. Но захотелось больше узнать о времени, о судьбах людей, которых упоминает автор. Оказалось, это не так легко. Работа в архивах, библиотеках Петрозаводска и Санкт-Петербурга, поиск родственников Сереежиных друзей и переписка с ними.

Племянница Сергея провела для меня экскурсию по дому, в котором прошли детство и юношеские годы автора дневника. Так легко представить... Поздний вечер. Тихо, уютно. В небольшой комнате, окна которой глядят на замерзшее русло реки, мягкий свет настольной лампы освещает белый лист бумаги, чернильницу, карандаши. Сергей принял решение вести дневник и теперь не спеша делает в нем запись о том, как прошел последний день 1934 года. Начались школьные каникулы, с утра — встреча с «первостепенным» другом Борисом Тарутиным, после обеда зашли за Портосом — Виктором Леоновым...

Дневник

1 января 1935 г.

Мы отправились на лесозавод в кинотеатр. Пришли туда, но очень рано; тогда отправились в школу. В школе было много ребят: играли в козла (чехарда). Когда мы пришли, то тоже стали играть. Ребята играли, видно, давно, поэтому им надоело играть в одну и ту же игру, так на предложение игры в казаки все согласились.

Игра в казаки была просто борьба верховых (сидящих на спине друг у друга товарищей), которые старались разбросать, стащить верховых противной партии. Игра очень дикая, но тем не менее интересная. После нее отправились мы трое в кино. Я встретил Ėli с Kiri, попросил разрешения сесть около них. Мне разрешили. Но то, что я думал: поговорить с Ėli о ее взаимоотношении ко мне, было не достигнуто. Все кино просидели молча, лишь разговаривали с Kiri да вот еще с одной знакомой девушкой Nini Klementevoi.

Идя домой, я не терял надежды о разговоре с Ėli, но меня позвали в школу от имени зав РОНО и директора школы. Я сперва подумал, что, наверное, чего-нибудь про меня наговорили, но оказалось, что там мне дали работу — писать лозунг. Пока я был в школе, у меня Ėli и товарищи улетучились неизвестно куда...

3 января 1935 г.

Встав утром, берусь за плакат, который требовал много времени для красивого вида. К 12 часам дня он был готов. Иду в школу. Отдав плакат зав. РОНО т. Завьялову, который поблагодарил меня за работу, я пошел в зал, где ребята играли в волейбол. Я принял участие во вновь сформированной команде. Сыграв около пяти партий, мне надоела эта игра, и я пошел в читальню почитать газет...

Вечером приходил Слава, долго беседовали с ним у нас.

4 января

Целый день околачиваемся в школе, играя то в волейбол, то читая в читальне и занимаясь разными такими делами, где проходило бы интересно время. Этот день проходит без особых впечатлений. Вечер нахожусь дома.

5 января

Утром помогаю тете заготавливать воду в баню, также и себе в квартиру, где мыла пол сестра. Около 12 часов дня еду в фотографию на лыжах. Подъезжая к центру города, сдалека вижу красиво написанную рекламу, в которой говорилось, что в кинотеатре идет новый художественный фильм «Чапаев» по материалам Фурманова. Сеансы начинались с 6-8-10 часов вечера. Я съездил в фотографию, но фотокар-

точки ввиду технических причин были еще не готовы.

На обратном пути заехал к Borisu, который через полчаса освободился от домашних работ — пошел вместе со мной в школу. В школе ребята играли в волейбол. Мы заявили на «мусор», и когда кончилась игра, мы заняли места, но Яша Жарков забузил, наговорив, что они играют по три партии, в общем, ему хотелось играть, и он занял мое место. Я пришел, спокойно встал на свое место, но он меня подтолкнул со словами: «Сереза, Сереза, мы играем по три партии. Выйди прочь, не бузи». Я спокойно ответил: «Катись ты, Яша, в колбасу. Мы играем на американку, и не выдумывай тут излишнего...»

Яша тогда еще раз толкнул меня, сказав, чтоб я вышел, и кроме того обозвал меня Элей, да поэтом, конечно, с иронией. Я запылал гневом, моя рука чуть удержалась от удара по его физиономии, но толчок его даром не прошел. Я его так толкнул, что Яша, покраснев как рак, решил уступить место в игре мне...

Вечером были на первом сеансе «Чапаева», а с 9 часов вечера в кинотеатре л/завода смотрели озвученный фильм «Камерлюк». «Чапаев» мне очень понравился, а «Камерлюк» тоже. Эli сегодня не видал. Дома читал малость, но вскоре лег в постель.

6 января

Целый день дома. Читал Пушкина, играл на гитаре, просматривал старые рукописи. Пришел к выводу, что мне надо все переписывать и привести в порядок. Под вечер пришел Борис, с которым отправились в школу на антирелигиозный вечер (завтра христово рождество). Вечер не состоялся по причине того, что помещение занимала районная учительская конференция. Встретив Pavel Prokofev и Polagisev Rostislav, мы вместе с ними пошли снова на кино «Чапаев». Придя в клуб, увидел Eli с Александрой Beloi и Марфой Hronzovoi. Поздоровался с Mischei Babkovim. Через небольшой промежуток времени стали впускать в зал. Я нашел свое место и, усевшись, стал ждать начала кино. В это время в зал входили знакомые девушки с железнодорожной школы по имени: Marii и Raisi. На том ряду, где сидел я, было три пустых места. Я попросил этих девушек сесть

ко мне. Они с удовольствием сели, и разговор о школе, личных делах затрещал, как разгоревшийся костер. Вскоре к нам пришла А. Белая. Я спросил ее, мол, где вы сидите. Она мне ответила, что на первом ряду и что ей там режет глаза, и она ищет места. Мы предложили сесть ей к нам, что она и сделала. Во время перерыва между частями кинокартины я решил отдать Eĭi то письмо, которое написал сегодня утром. Подойдя к ним (она сидела с М. Hronzovoi), я увидел довольно строгое лицо Eĭi, оно было то бледно, то очень красно. Мне было неудобно обратиться сразу к Eĭi, поэтому я начал разговор с М.Н. В те несколько длинные минуты разговора я заметил еще раз, и не один, волнение Eĭi по ее лицу. Оно, поворачиваясь ко мне, как-то бледнело, а потом покрывалось краской. Я чувствовал это на себе и знал, что это что-нибудь значит. Мое чувство действительно оправдалось тогда, когда я, держа в руке письмо, услышал от бледной Eĭi кольнувшие до отчаяния слова: «Можете идти на свое место». И лицо ее покрылось густой небывалой краской...

Началась новая часть, я пошел на свое место, не отдав Eĭi письма.

Придя домой, не раздеваясь и не дотронувшись до приготовленного чая, прямо падаю в постель.

7 января

Встав утром, я вспомнил вчерашний день, мурашки побежали по телу, но отчаяние уже прошло: я встал с энергией и силой воли. Сняв измятое за ночь верхнее платье, хорошо позавтракав, я сел за письменный стол, стал думать. «Неужели я виновен перед ней?.. Но в чем?.. Почему она сказала эти слова?.. Как выйти из положения, как объясниться с ней?» — вопросы, ломавшие голову. И сколько я ни думал, но представить ясность положения не мог, пока наконец личное чувство не подсказало взять перо и описать в виде рассказа все прошедшие события.

Через 5 часов был закончен рассказ, содержащий в себе V глав и заключение, что составляло 20 тетрадных страниц. Я реально в нем изложил мои отношения с Eĭi. Этим пятичасовым трудом я убедил себя в том, что я почти ни в чем не виноват, кроме того, мне стало очень легко за честность и справедливость.

Я, только что окончив рассказ, начал проверять его, как ко мне пришел Boris, а немного позднее F. Gogolev, которым я и отдал свое произведение для критики.

Они прочли и признали хорошей вещь мой рассказ, даже больше: Boris улыбался и говорил: «Что в хорошей книге написано», — и улыбался, снова глядя по нескольку раз в текст моей рукописи. Я же сам об этом могу сказать очень мало: что мне в нем понравилось, то это реальность и действительная сущность описанного; а что не понравилось, то это излишняя краткость и не везде понятное изложение, кроме того, орфография очень страдала, да вот еще какая-то ну неорганизованность, неплановость рассказа.

Этот текст был запечатан в конверт, на котором положили пять сургучных печатей. От меня пошли в школу на вечер. Подымаясь во второй этаж, я с Borisom встретил Kiri и передал ей конверт, на котором было написано:

*Сорока. Сорокская средняя школа
ученице VI класса Шефер Эли, а внизу под чертой стояло три буквы: SKL.*

Войдя в зал, где проходил вечер, мы увидели товарищей по школе, с которыми поздоровались, но... Eĭi не было. Я сел в общество девушек нашего класса. Я очень искусно рассказывал им десятки разных не обдуманных мной происшествий, вернее, развлекал их, как дам господу развлекали во время обедов, ужинов и балов.

Мы с Borisom через полчаса ушли с вечера и отправились в кинотеатр, где шло звуковое кино «Марионетки».

Чувствую, что мы с Borisom ведем немного неправильно жизнь. В каждый день тратим очень много денег на сласти, увлекаемся вечерами, кинотеатром, вообще праздной жизнью. Кино сегодняшнее мне очень понравилось. Дома пью чай и спокойный в 12 часов ночи ложусь в постель.

8 января

Сегодня встаю довольно поздно. Убираю на письменном столе, просматриваю дневник, читаю «Войну и мир» Л. Толстого. Пробую заняться поэзией, но дело не клеится, нет чувства и настроения.

Под вечер приходит Boris, с которым идем на вечер... Я уселся в угол между RT, RP, VK и

др. Участия в играх, танцах первое время не принимал, между тем как Ёли все время играла, но потом, в самом конце вечера я разошелся, даже многих насмешил...

Мы спросили Kiri о том, что когда они возвратят мою рукопись, но Kiri ответила, что рукопись уничтожена. Я категорически не поверил, но потом подумал, что черт их знает, дурней девчат — они на все способны ради себя.

Домой ехали на автомобиле, прицепившись сзади.

Дома читаю.

9 января

До 12 часов дня домашние дела, после которых иду в фотографию за фотокарточками. Фотографические карточки были готовы, но, к сожалению, вышли неважно. Вечером пришел Boris.

Одевшись, мы пошли на вечер в школу, посвященный проводам участников в лыжный пробег. Вечер шел оживленно. Я встретил М. Lesovu, с которой мы много говорили кое о чем. Ёли была на вечере, активно принимала участие во всех играх.

Boris развеселился только в конце вечера. На вечере присутствовали ребята из техникумов, как, например, Нина Stashevskaya, Akvilonov, Selainin T. И ряд других. С вечера шел домой с Mariei L. Ёли шла с нами в одной толпе, но от меня держалась на почтительном расстоянии. Этот вечер понравился мне. У меня было хорошее настроение, кроме того, М.Л. поразила меня откровенностью в очень щепетильных вопросах, в отношении поведения и дружбы между мальчиками и девочками. Она, право, сегодня была хороша на вид и на разговорную речь. С вечера пришел очень поздно, в 12 часов ночи.

10 января

До 2-х часов дня нахожусь дома, читая Л. Толстого «Война и мир». С двух же иду в кинотеатр л/завода, где идет детское кино «Чапаев». Встречаю таких товарищей, как Гриша Романов, Петя Свинын, R. Palagisev и др.

Я сел рядом со Славой Р. Впереди нас сидели наши девчата М. Lesova, A. Belaja, Hronzova. На следующем за ними ряду сидела Ёли с какими-то девочками. Она очень часто оборачивалась

к нам и смотрела назад, где сидел Zeni Egorov. Я кино смотрел с большим интересом, хотя уже много слов выучил наизусть и картину смотрел 3-й раз. Разговаривал с М.Л. Домой шел с ней же. Даже проводил ее по той дороге, по которой ходит Ёли, но не до самого дома.

Вечером приходит Boris, с которым идем смотреть в театр комедию «Легкий человек». Встречаем одного из старых друзей Лешу Fatneva. Комедия очень понравилась содержанием, но не исполнением. Домой прихожу в час ночи...

С сегодняшнего дня начинают беспокоить мысли об учебе, вообще о трудовой жизни. Хандрить и бездействовать надоело...

Засыпаю в мыслях, которые призывают к трудовой жизни.

11 января

С утра усердно читаю Толстого, переписываю накопившиеся стихи в чистую тетрадь.

Приблизительно в час дня приходит Rostislav, с которым беседуем о разного рода делах... пришли Boris с Fatnevim Aleksem. Разговор пошел на разные темы.

От меня стали уходить вечером, около 5 часов. Я попрощался с Лешей Ф., который сегодня уезжал в Петрозаводск учиться. Борис и Слава согласились прийти завтра в 5 часов вечера. Они ушли, сижу один. Скучно...

Вечером переписывал кое-какие старые работы.

Разбирал свое незаконченное сочинение, которое переписал Rostislav. Никуда сегодня неиду, читаю.

Спать ложусь в 8 часов вечера.

На улице воет ветер со снегом.

12 января

Сегодня у мамы день отдыха, она встала рано утром и занялась в кухне стряпней. Я проснулся рано, но пролежал в мыслях очень долго. Днем начал рисовать принесенный заказ на 6 картин. 3 картины набросал карандашом. Помогал матери в ее домашних делах. Погода на улице стоит одна и та же: t°-7, дует ветер южный.

Снегу нет, и как-то неприятно без него. Дома, постройки облупились, какие-то смешные и очень грубые. Вечером пришел Boris. Пошли в

кинотеатр на кино «Восстание рыбаков». Из-за технических причин кино началось на 32 минуты позже назначенного срока. Кинофильм «Восстание рыбаков» произвел большой интерес во мне к заграничной жизни...

13 января

Целый день рисую. Вечером читаю М. Лермонтова. Никуда не выхожу, никто не приходит ко мне.

Выпал снег. Приятное ощущение на сердце от плавно лежащей белой пелены и снежинок, роем кружащихся в туманном воздухе и медленно садящихся вниз, на землю.

14 января

Сегодня Boris уезжает в техникум. Днем приходит ко мне, мы немного поговорили о текущих делах. Boris был не более 30 минут. Условились, что пойду провожать его на станцию...

Bорис друг-товарищ тех годов, в которые беззаботно мы отдавались радостям жизни. Вспоминаются походы в глушь карельских лесов на рыбную ловлю, охота в тех же лесах, бешеное катание зимой на лыжах по крутым и отлогим горам, минувшие дни школьной жизни и множество других различных видов. И во время всех приключений, во время всех устоев нашей жизни мы с Борисом были самые лучшие друзья. Мы любили критиковать друг друга, в враждебных случаях стояли монолитным утесом и все свои переживания, впечатления разделяли пополам... И вот уже нет его, нет этой беззаботной, веселой улыбки, нет голубых светлых глаз, нет его — Бориса, около меня. Он уезжает... надолго... на полгода. Жметесь сердце, стучат виски, глаза покрылись тонкой пленкой слезы...

Во время этих рассуждений вошел ко мне Гриша Г. Я проснулся как бы из тумана воспоминаний, встретил его, усадил за стол. Он занялся чтением моих стихов.

Я быстро собрал Борису маленький подарок от меня, в который вошли: мой хороший пенал, наполненный канцелярскими принадлежностями, как то: карандаши разных сортов и цветов, ручки (вставочки), кисточки, бритва (для зачинки карандашей), рейсфедер, сухая тушь, треугольная линейка и ряд других мелочей; мой шерстяной шарф (вроде

кашне), пачка чистой почтовой бумаги в 100 листов и две книги: Жюль Верн «Приключения капитана Гаттераса» и «История партии», часть вторая.

Письмо, подарок закупорены, Гриша соглашается пойти со мной проводить Бориса.

Станция: народ, суета, по полотну громыахают локомотивы.

И вот, весь в огнях, с большим прожектором, подходит почтовый поезд. Последние протягивания рук... Горе, тоска...

Поезд уходит и увозит его — Бориса Тарутина — моего товарища-друга. Вечером за честь Бориса поднимаю пару стопок красного вина на именинах у дяди Васи.

15 января

Утром занимаюсь рисованием. Днем иду в город купить простых карандашей и резинок. Встречаю на л/заводе Nona Uglovaia, с которой бродили по лавкам. От нее я узнал, что она дружит с Tolei Seljaninim, он ей подарил фотографическую карточку (свой портрет).

В 4 часа дня меня вызвали в райком комсомола, где шло заседание пионерработников (вожатых), к которым я и принадлежу. Обсуждали постановление ЦК ВЛКСМ о плохом поведении вожатых. С заседания я пошел домой переодеться, чтоб идти на последний вечер каникул, посвященный встрече участников пробега. Со мной шел Pavel Prokoev. На вечере увидел Soi Ljarunovi, которая приехала из Ленинграда. Я сел рядом с ней. Она была ласкова и добра; на вид еще привлекательнее.

Придя домой, почувствовал, что пролетели золотые денечки каникул, что-то такое влечет снова на занятия.

16 января

Сегодня первый день занятий, уроки нашей второй смены начинаются в 3 часа 30 минут дня. Утром приготавливаю книги, обертываю их, разыскиваю портфель, запывившийся от долгого спокойного состояния, привожу в порядок тетради, карандаши, вставочки. С наслаждением берешься за все дела, нужные для учебы. Из дому выхожу рано, в 1 час 30 мин., для того, чтоб зайти в районный отдел связи и в парикмахерскую. Погода прелестна: снежинки как пушинки кружат в воздухе, описывая раз-

личные дуги и круги, и плавно убаюкиваются на земле. В воздухе тишина, да белая мгла снежинок в мирном, спокойном царстве наполняет твою радость. Иду медленно, воздух чистый. Вдыхаю так глубоко, что невольно приходится отстегнуть ворот пальто. И грудь дышит, и глаза видят, и сердце радуется — всему вселенному миру. Все забывается, лишь беспредельное чувство неги и уединенного спокойствия наслаждает тебя. Подписавшись на периодическую печать в числе газет: «Комсомольская правда» (центральный орган), «Беломорская трибуна» (местный районный орган); в числе журналов: «Литературная учеба» (ленинградский орган). В парикмахерской подстриг волосы. Снова иду по улицам, где народ, видно так же, как и я, наслаждаясь сегодняшним днем, идет медленно, глубоко дыша.

Приятно войти в школу, увидав в ней прежний шум, говор, восклицания, мелькавшие то быстро, то медленно фигуры мальчиков и девочек. Много старых знакомых, приятелей жмут тебе руку, расспрашивая о том, как прошло время каникул, что нового, как чувствуешь себя, где был, какие видел кинопостановки и т.д. и т.п. Сладким кажется звучание звонка, призывавшего на уроки.

Уроки проходят оживленно, ребята все в веселом настроении, слегка шалят, в особенности во время немецкого и финского языков. Вижу Soi L., Эли Ш., Нону У., но ни с кем из них не имел случая разговаривать. После уроков пошли в кинотеатр смотреть сеанс «Праздник Святого Йоргена» с участием комика Игоря Ильинского. Домой шел один. Впечатление первого дня учебы неважное, так как администрация школы еще не вся вернулась из «отпуска». Нет директора, а зав. учебной частью приехал только ночью, поэтому уроки были не все, вообще как-то уж вольно начался первый день учебы после каникул. Утащили тетрадь со стихами. Semenova.

17 января

Сутра домашние дела и частично уроки. Пишу в альбом стихотворение Марфуши Х. В школе очень интересные интересы наблюдаются в обществе девчат, ребята, конечно, не отстают. С Эли у меня уже нет ничего хорошего, так как думаю, что у нас в силу каких-то внутренних чувств

все кончено, я даже уже не обращаю внимание и не смотрю на нее... Уроки идут своим чередом, только на химии что-то случилось, так как 9 человек, которых спросили по пройденному объему знаний, ответили на «неуд», в том числе и я. Вечером немного читаю.

18 января

Целый день рисую и помогаю матери в домашних делах. К 6 часам вечера иду в школу, где назначен сбор «юных талантов», идущих выступать в кинотеатр на открытии VII пленума РК ВЛКСМ Сороки. До выступления я сидел внизу с братом Эли. Он интересовался литературой, и я многое рассказывал ему, хотя он ученик 5-го класса, но довольно-таки сообразительный и многое понимал. Эли же сидела над нами, в первой ложе балкона. За вечер в буфете пустил 5 рублей денег на сласти. Выступления начались. Первым номером шла Эли, игравшая на пианино, вторым я с собственным сочиненным стихотворением «Учиться». Музыка Эли очень нравилась мне и, конечно, всем, кто хотя немного разбирается в ней. Во время выступлений, стоя за кулисами, я наблюдал в последних умирающих чувствах за Эли. Она была та же: прекрасна, с опущенной головой. На столе стоял большой искусственный букет цветов. Эли умудрилась «честно» оторвать от него цветок, похожий на розу. Я заметил, как она его положила под пальто, чтоб спрятать от чуждых взоров. Конечно, через минуту этот цветок, как прощальный трофей, лежал у меня в глубоким кармане пиджака. Об этом, кроме Кiri, Эли и меня, никто не знает. Теперь этот цветок воткнут в один из стаканов, в котором находятся карандаши, на моем письменном столе. На выступлениях было дано мною еще два стихотворения: «Челюскинцам» и «Больной». Первые два имели хороший успех, а последнее плохой. Я очень рассердился на то, что публика не поняла его сущности.

19 января

Утром закончил стихи в альбом для Марфуши Х. В школе все по-старому. Уроки идут своим чередом. Замечаю перемену в Екатерине Петровне (учитель литературы) по отношению ко мне: стала более положительна, просит помочь ей донести собранные тетради и ее порт-

фель до канцелярии, на основе того, что сильно устала. Я исполнял эту просьбу с тайным радостным чувством. И когда Екатерина Петровна за оказанную ей услугу сказала мне: «Спасибо, Латкин», я по инерции ответил: «Ничего ни стоит». Вася К. здорово за Soei ухлестывает, на уроке что истукан, пялит голову на ее фигуру, застывая подолгу в виде мраморной статуи (придется, верно, отбить у него эту дикую Сою с глазами серны). Слава П. еще самолюбивее Васи К., втрескался в нее, всячески услуживая и подмазываясь. Soi же их с Васей не очень-то. При мне R.P. послала на третий этаж, а Ваську назвала дураком...

Вечером была репетиция старого материала, после которой домой шел вместе с Soei. Она начинает нравиться мне.

20 января

Утром дома провожу время за уроками, чтением, рисованием. В школе очень интересное явление. Нет света, и многие классы получили дисциплину в учетной тетради — «неуд». У нас третьим уроком шла физкультура. Упражнения все прошли хорошо, и когда стали играть в какую-то без названия глупую игру (описывать не буду), Rostislav подал за учителя данного предмета команду, ну стукнул или сделал вернее хлопок ладошами. Педагог Николай Филиппович Кныш (мы его зовем бандитом Кнышем, так как видели кино: «Банда батьки Кныша» — действительно, сходство в натурах есть) записал R.P. в учетную тетрадь. И когда уже подан был звонок с урока, мы шли по диагонали из зала в коридор, я тихонько еле слышно засвистел марш под ногу «Удар судьбы». И что же?! В учетной тетради на самом верху красовались следующие строки, против отдела «мешали уроку»:

Латкин свистел.

Палагичев мешал.

Вечером, после уроков, по случаю нашей недисциплинированности созвали классное собрание, на котором мне поставили на вид, а Славе дали выговор. Н-да, «не так здорово, как ловко»!

21 января

...После уроков было траурное заседание в связи смерти В.И. Ленина. Пели «Интернацио-

нал» и похоронный марш. Я подумал: «Вот Вы, Владимир Ильич, умерли, а мы вот жить хотим... и нам интересно жить».

22 января

Сегодня занятий нет: день памяти В.И. Ленина. Целый день с утра занимаюсь литературой. Написал новым приемом стихотворение, посвященное Soi.

С утра шел снег и дул сильный ветер, превратившись к часам 10 утра в метель. К вечеру погода исправилась, небо стало синее с розовым закатом. Ярко светились на нем звезды, величаво красовалась луна. Я колол дрова, грудь дышала свежим воздухом с большой жадностью.

Вечером хотел идти в кинотеатр, но с 7 часов вечера заснул и проспал до половины двенадцатого. Когда проснулся, то мать и сестра уже приготовлялись ко сну. Я попил чаю, почистил зубы, умылся холодной водой до пояса и сел за дневник, в котором не писал с 17 января.

В 2 часа ночи окончил запись и лег в постель. Мне не спалось, глаза глядели на темный потолок. Мало-помалу уснул, но как-то уж очень тревожно, в агонии снов. И разных мыслей.

23 января

Во-первых, сегодня у меня, не знаю в силу каких обстоятельств, хватило смелости отдать тетрадь со стихами Екатерине Петровне (педагог, литератор). Я давно думал это сделать, но не хватало силы воли, боюсь, что мои стихи очень плохи. Екат. Петровна между прочим овладевает мной, подчиняет себе, я вижу, как она пристально смотрит в меня, и мне кажется, что она все насквозь видит во мне, хотя я многое скрываю. Вот на данной почве я и отдал ей свои стихи, при подаче которых она улыбнулась такой улыбкой, в которой можно было ясно прочесть: «Ах, стихи?! Я давно уже знала, что вы отдадите их мне. Интересно посмотреть». Когда я пришел в класс и объявил Rostislavu о подаче моих стихов, он улыбнулся и отвечал:

— Давно пора.

— Слава, а ведь там разной «муры» написано, ну любовной-то глупости, ведь знаешь, — сожалея о своем поступке, раскаивался я. — Да знаешь, как-то неудобно, стеснительно, даже нехорошо, — добавил я снова.

— Брось, друг! Все поэты так же «муру» писали в своих первых стихотворениях, да ничего ведь! — смеясь, говорил он, потом сделал серьезное выражение и произнес: — молодец, что отдал, пусть критикует... Это к лучшему... Понял! — и он уселся за парту, просматривая какую-то книгу.

— Что будет, то и будет. Ни черта-а-а, — успокаивался я.

— Конечно, ни черта! — они ведь не дураки, — снова вмешался в мои соображения Слава. Вошел педагог в класс, и наш разговор потух.

28 февраля 1935 г.

...В школе уроки идут своим чередом. В учкоме и комсомольской организации поговаривают о назначении меня на пост ответственного редактора общешкольной стенной газеты «Юный ударник».

Нового пока ничего нет.

Время идет тягостно-медленно.

1 марта 1935 г.

Целый день читаю, делаю уроки.

В 6 часов вечера должен идти на вечер подрайонного пионерского актива.

Придя в школу, я встретил много старых товарищей, бывших моих пионеров, с которыми дружески беседовал о текущих делах школьной и пионерской жизни.

У искусственного костра, сделанного на полу одного из больших классов, старый партизан рассказывал про интервенцию в Карелии, в частности, о Сороке, Кеми, где он был участником боев и очевидцем всевозможных происшествий.

Его рассказ мне удалось записать в виде конспекта, думаю, что когда-нибудь пригодится.

...Вскоре решил идти домой. Выходя из зала, я увидел в коридоре Зою, которой сделал предложение вместе идти домой, если ей надоело обитать в четырех стенах школы.

Но я в этот раз получил жестокий отказ в следующих словах: «Нет, не пойду. Я остаюсь с...»

Что же, мне не жалко, только вот скучно было идти домой одному.

Ах, жизнь, жизнь, я в тебе, честное слово, какой-то ненужный элемент, нечаянно видно вмешавшийся.

Дома пил чай, долго читал Пушкина и лег в постель около двух часов за полночь.

2 марта

В школе после уроков меня пригласили на заседание учкома совместно с комсомольским и пионерским активом, где заслушивался отчет работы редколлегии под руководством Леонида Егорова.

Они в течение 6 месяцев выпустили только 4 номера газеты. Да и что за газеты? Дрянь — не лучше, не хуже, это, конечно, только моя оценка, но думаю, она настолько справедлива, что вступать с ней в какие бы то ни было дискуссии неуместно. Против фактов не спорят, как говорит педагог химии Иван Иванович Авотин.

Когда окончен был отчет (он проходил в течение 5 минут), начались высказывания, обсуждения работы редколлегии, а в частности, по способности самой газеты. У многих было такое мнение, что газета как бы не существовала в школе, но почему-то его не высказали. Конечно, газету здорово критиковали, отметили небоеспособность как таковой.

Новую редколлегию стали выбирать после того, как в самых красивых словах обрисовали ее задачи, направления, сущность работы.

Редколлегию выбрали из четырех человек.

Меня единогласно решили поставить ответственным редактором, говоря, что это один из самых почетных постов в общественной работе. Дураки! Иначе не могу ничего сказать.

Домой пришел уже очень поздно, имея на шее одну из серьезных нагрузок, в то время когда еще работа газеты запущена и не имеет авторитета среди массы школы. Придется действительно подналечь, хотя это будет стоить мне много драгоценного времени.

3 марта

С самого утра уже планирую номер стенгазеты, составляю ряд критических статей.

В школе собираю заметки, но подаются они очень плохо, хуже, чем что бы то ни было, приходится на некоторых действовать любезностью, дружбой, а на некоторых так прямо административно, через комсомольскую, пионерскую организации и учком.

4 марта

В классе все по-старому: уроки идут сами по себе, ребята не бузят, девочки прячутся по углам.

Сегодня уже отдал печатать газету Марии Лежевой на дом.

Помню, Борис Т. увлекся этой самой Марией в 1934 году за один раз, а я в то же время Зоей, которая мерещится мне и сейчас, хотя я ее ежедневно вижу в классе.

Интересны слова Бориса, когда он, покачивая головой, очень улыбаясь, говорит: «Да, хороша, Сережка, эта Маруся... Она все-таки солидна, не то что наши клячи... Верно?!»

Хохот берет от его рассуждения. Так детски-наивно, без всяких реплик, с откровенной душой сказаны эти слова. Я их долго буду помнить! Ох, Борька, нет тебя! Жалко, но ничего не поделаешь.

Мария учится средне да немного ниже. На вид она симпатична, носит плюшевый жакет, красный берет. Частенько щеголяет в классе в беленькой кофточке или хорошем шерстяном зеленого цвета платье. Волосы — золотятся. Лицо довольно широко, губки огромны, глаза синие, груди бросаются с первого взгляда в самые близорукие глаза, настолько они огромны, а главное, обтянуты платьем или еще чем. Мария великолепно поет, только, конечно, мещанские романсы да надгробные мадригалы известных сочинителей. Смеется непринужденно и может так громко и долго смеяться, что некоторые считают наилучшим средством избавления от такого заразительного смеха уйти подальше. Она полна мечтательности, необдуманной философии, романтичности, вроде пушкинского Ленского, но корчит из себя девицу глубоко чувствующую, положительную — вроде Татьяны. Мне, право, смешно.

Вот какой тип заполз ко мне в редколлегию и начинает усердно работать, только ох, боюсь, как бы это она не заплакала от «непосильной» работы, так как «чувствительный» плач, да еще у такой безобидной девицы, честное слово, выворотит мою душу наизнанку! Избавь меня от такого мучения сам чёрт!

5-6-7 марта

Эти дни ничего из себя не представляют, кроме того, что они дни.

8 марта

День чертовски разнообразный!

Придя в школу, я заметил такую картину: ребята, что молодые гуси, так торжественно бегают от одной к другой гусыне, поздравляя их с «великим Международным женским праздником».

То с одной, то с другой стороны слышится: «Ноночка, поздравляю, Мусечке привет, Зой Ивановна, будьте здоровы!»

Я чуть не расхохотался от души, хотя очень редко смеюсь и бываю весел.

Девчата, увидя меня, стали приставать, всячески заставляя меня вступить с ними в разговор о их празднике.

Я разговорился, и после того, как одной пожелал дюжину детей, другой отрастить длинные ногти, третьей научиться с мальчиками гулять и курить папиросы, то собеседницы увидели, что со мной шутить не так лестно, тем более, что я говорю это без малейшей иронии и улыбки, и они одна за другой покинули меня. Я, конечно, еще по разу напомнил каждой свое пожелание, в награду за которое получал такую кислую, недоброжелательную улыбку, что в душе я радовался как никогда, до того мне было смешно над пошлыми людьми.

Конец веселым поздравлениям положила моя вновь выпущенная стенная газета.

Веселые поздравления сменились колкостями, бранью против меня. Это, конечно, со стороны «аристократического общества» школы, которое проповедует блаженство счастья и романтики, но масса живо почувствовала в газете своего боевого товарища, который, не стесняясь и невзирая на личности, критикует и критикует этих «аристократишек».

Впечатление самое отрадное, «аристократы» завыли хуже антилоп и шакалов; они в школе были настолько «благородны», что не имели представления о какой-то критике, которая не была в их обычае, ибо они сами работали в газете раньше и газета была для них их же опорой и орудием для показа своих «танталов», как, например, двух слов «ответственный редактор» или «художник», а для массы такая газета была просто-напросто ФУК и больше ничего.

Но я сам сознаю, что в газете еще мало было критики, что обождите, уважаемые «аристократы», я постараюсь чесануть вас поделом, чтобы

даже небу было жарко! Дайте срок, будет вам и дудка, и свисток!

С 9 по 18 марта

Эти дни мало чем могут интересовать меня. Учебные дни текут так же медленно. Я готовлю большой номер стенгазеты к дню Парижской Коммуны. Материал теперь собирается легко и все от массы учащихся, а от «аристократов» заметки не поступают. Да мы в них и не нуждаемся!

Погода стоит великолепная. При блеске лучей солнца снег становится похож на кристаллы, которые отливают различным блеском. Интересно наблюдать в поле, как снежинки светят тайным огнем, как этот огонь похож на что-то волшебное, которое во множестве подобных огней переливается из одного цвета в другой, ослепляя твои глаза. А воздух?! Свежий, чистый! Грудь так глубоко вдыхает его, как бы никогда еще не дышала такой прелестью. Приятно в такие дни кататься на лыжах, находиться на воздухе, но я наслаждаюсь им только идя в школу да из школы, так как дома занят и газетой, и литературой. Правда, уроков теперь не готовлю, это не в моем обычае!

20 декабря 1935 г.

Ровно год тому назад впервые на страницах дневника, в этот самый день, 20 декабря, я начал высказывать свои мысли, переживания, чувства. Ровно год! И сегодня, пересматривая свои записи, я радуюсь, торжествую за то, что как хорошо иметь дневник, который подробно рассказывает о всех тех днях, пережитых мной. Я великолепно вижу фон и среду, на которых воспитываюсь и живу, вижу свои действия, поступки.

Право, дневник нужно советовать каждому человеку как лучшего товарища и друга, с которым можно делиться пережитым.

Отмечая первую годовщину существования моего дневника, посвящаю дневнику сочиненное сегодня мной стихотворение следующего содержания:

*Много в жизни печали и грусти,
Много мелких и крупных обид,
Много мыслей, терзанья и чувства
В жизни сердце в себе накопит!*

*И ведь трудно бывает порою:
Ты в сердце разбит и поник,
Так с кем же, как не с тобою,
Пережитым делиться, дневник!
Тайны ты свято хранишь,
В тебе можно петь и ругаться,
И ты беззаботно прямо глядишь,
Как будто хочешь смеяться.
Год, как чувство с тобой разделяю,
Год вижу белый чарующий лик!
Так сегодня тебя поздравляю,
Мой милый, прекрасный дневник!*

В дневнике за тот год имеется ряд погрешностей. Например, с 1 сентября до сегодняшнего дня ничего не написано. Придется, конечно, по записям в календаре и блокноте, а большую часть на память теперь же восстановить. Кроме этого, мне кажется, что в дневнике я больше всего уделял внимание самому себе и подчас писал очень много о тех пустяках и мелочах, которые ничего сами за себя не говорят. В дальнейшем думаю писать основательное, более детально давать свое мировоззрение на окружающее. Писать же буду не ежедневно, а тогда, когда в голове сложится определенное понимание, или произойдет какой-нибудь случай, или будут какие изменения в моей жизни, в чувствах, в работе, в среде товарищей. А ту жизнь, которая течет однообразно, постараюсь освещать в процессе главных вопросов, мной описываемых.

Внештатный корреспондент

С сентября по декабрь записей в Серезином дневнике нет. Понять нашего автора можно: к пионерской работе и руководству литературным кружком добавился пост ответственного редактора школьной стенгазеты. Плюс — начало сотрудничества с районной газетой.

Редактору «Беломорской трибуны» Андрею Кликачеву всего 25 лет. Весной 1935 года Сергей Латкин принес в редакцию газеты свою первую заметку — об однокласснике Яше Жаркове, который летом будет работать вожатым в пионерском лагере.

Самого Сергея ждет второе трудовое лето: он и Борис Тарутин назначены вожатыми отрядов.

— Лето мы проводили в пионерском лагере в Сумпосаде, — вспоминает Анна Лумпина (Кузнецова). — В него обычно попадали пешком, отдыхали с ночлегом в Вирме. В дороге ребята помогали девочкам нести рюкзаки, были необычайно внимательными. Кроме личных вещей, несли горн, барабан, бумагу для стенгазет, краски и многое другое, без чего невозможна жизнь в лагере. Начальником его был Кузьмин, затем Павел Прокопьев, старшим пионервожатым Сергей Латкин. Он же — поэт, художник и большой друг ребят. Мы очень любили под его руководством оформлять и выпускать стенгазету. Она, кстати, обладала большой воспитательной силой, нарушители распорядка ее очень боялись. Если Сергей Латкин говорил кому-то: «Это нужно сделать», никто ему не мог отказать, наоборот, поручение считалось особо ответственным.

Остается добавить, что за хорошую подготовку лагерей и постановку работы в них Сергей был избран делегатом на Второй Всекарельский съезд учителей-ударников и получил денежную премию от Наркомпроса республики.

В январе 1936 года в Сороку приехал Леонид Иосифович Айзенштейн, ответственный редактор газеты «Комсомолец Карелии». Одной из целей его визита был поиск внештатных корреспондентов, которые оперативно сообщали бы о событиях, происходящих в районе. Возможно, встреча Леонида Иосифовича и Сергея состоялась в тот день, когда юноша зашел в редакцию «Беломорской трибуны» с очередным рассказом о школьной жизни. Беседа с Леонидом Айзенштейном и последовавшее приглашение к сотрудничеству с республиканской молодежной газетой произвели впечатление на Сергея:

— Это меня сильно заинтересовало, после чего решил заниматься журнальной работой. Думаю поступить в высшее учебное заведение и заняться изучением литературы, а после — литературной деятельностью.

Пионерский лагерь летом 1936 года организовали в деревне Дуброво. Разместили ребят в просторном здании сельской школы. Александр Матвеев и Яков Жарков в свои последние каникулы (впереди десятый класс, выпускные экзамены) были в нем пионервожатыми.

Сергей Латкин тем летом остался в Сороке. Он составляет для себя план занятий на лето:

Чтение!!!

Занятия по литературе!!

Изучение языка немецкого!!!

Самообразование (учеба) !!!

Фотодело!

Физкультура!!

Шахматы!

Музыка!

Вести дневник!

Охота и рыбалка!

Но основным занятием стала работа в редакции районной газеты. Писал статьи, очерки, выезжал в служебные командировки.

В рабочем поселке Надвоицы действует детская трудовая колония. Ко второй годовщине учреждения был приурочен выпуск воспитанников. На торжество в Надвоицы отправилась делегация от Сороки. В ее составе был и Сергей Латкин с ответственным поручением: дать в газету праздничный материал. «Их воспитывают большевики» — под таким заголовком был опубликован в районной газете опус начинающего журналиста.

Рассказывал тем летом Сергей читателям о работе Сорокской базы туризма, принимающей экскурсантов со всего Советского Союза, об успешном выступлении своих друзей в шахматных турнирах, о футбольных баталиях на заводском стадионе, о подготовке к призыву в Красную армию, о районном смотре художественной самодеятельности.

Лето подходило к концу. Все чаще привлекало внимание и детей, и взрослых строительство на окраине заводского поселка. Новая школа необходима. Растет количество детей, требуются дополнительные кабинеты для девятого и десятого классов. А в новой школе будут три больших корпуса, 15 классных комнат... Но чем ближе начало учебного года, тем тревожнее новости:

— Из 16 печей готовы только четыре, нужны печники, а их нет...

— Районный исполнительный комитет на стройку школы недодал 53 тысячи рублей. Это привело к задержке выдачи заработной платы рабочим, к приостановке поставок стройматериалов. Начальник строительства обратился с телеграммой лично к наркому просвещения то-

варищу Бубнову, в которой просит его личного вмешательства...

— До сих пор не закончено бетонирование лестниц, не сделана электропроводка...

Сергей Латкин частый гость у строителей, его заметки о ходе работ практически в каждом выпуске газеты. Но ему нечем порадовать читателей.

Выпускной класс

1936/37 учебный год ученики Сорокской средней школы начали в новом здании. Скорее бы попасть в просторные классы, осмотреть большой спортивный зал! Но встретила школа преподавателей и учеников грязью на полу и стенах, недостроенной лестницей, отсутствием электрического освещения. Парты красили в последний момент, и нарядная по случаю праздника одежда детей оказалась испачканной. Выяснилось, что перекрытия, лестничные ступени и полы надо переделывать, обнаружили и другие дефекты.

В классах холодно: окна без вторых рам, печи дымят. Вести уроки невозможно. В результате через три недели после начала занятий местные власти приняли решение прервать учебный год до 1 октября.

Как видим, не задалось начало учебного года у наших десятиклассников. Тем не менее настрой у ребят боевой: учиться только на «хорошо» и «отлично». В протоколе классного собрания записали обязательства:

Саша Матвеев дал обещание ликвидировать отставание по физике и стереометрии.

Коля Рубцов и Володя Рыжков — исправить посредственные отметки.

Мария Лежева — знать географию, историю и геологию не ниже чем на «хорошо».

Митя Варфоломеев — получать по физике и литературе только «отлично».

В выпускном классе главное внимание необходимо уделять учебе. Но и общественную работу никто не отменял. Яков Жарков — комсорг школы, Сергей Латкин — редактор школьной стенгазеты, Владимир Рыжков — член учкома, Александру Матвееву дали задание наладить работу пионерской организации и детского самоуправления, Дмитрию Варфоломееву поручено организовать среди старшеклассников

подписку на газеты «Комсомолец Карелии» и «Комсомольская правда».

В феврале 1937 года страна готовилась к огромным размахом отметить столетний юбилей со дня смерти А.С. Пушкина. Переименовывали населенные пункты, улицы и площади. Не тогда ли появились в Сороке Пушкинская набережная, а в заводском поселке улица Пушкинская?

По всему Советскому Союзу в домах культуры, рабочих и сельских клубах самодеятельные артисты создавали образы Дона Гуана и Лауры, Алеко и Земфиры. Ребячишки — от дошколят до старшеклассников — разучивали стихи великого поэта, рисовали, писали сочинения.

Не осталась в стороне и Сорокская средняя школа.

«Драмкружок готовит сцены из драмы «Борис Годунов», инсценировки «Полтава» и «Скупой рыцарь», отрывки из «Евгения Онегина». Чтецы-декламаторы прочтут стихотворения: «На смерть поэта» — Лермонтова, «Памятник», «Деревня», «Послание в Сибирь», «Узник», «Анчар» и др. Этими выступлениями будут сопровождаться доклады: «А.С. Пушкин как певец свободы и жертва самодержавия», «А.С. Пушкин — биографическая характеристика с выделением детского периода жизни и роли няни» и «А.С. Пушкин в связи с лирическими мотивами его творчества». Во всех классах проводятся собрания с обсуждением творчества великого поэта. Все классы и здание школы к пушкинским дням будут украшены», — сообщает юнкор республиканской газеты «Комсомолец Карелии» Сергей Латкин.

Эти дни у Сергея заполнены до отказа. Собирает аккуратно переписанные заметки у своих помощников, оформляет школьную стенгазету. Но и это не все: десятикласснику Латкину поручено выступить с докладами о творчестве Пушкина.

Наступило 9 февраля. На художественном вечере председатель юбилейной комиссии Сергей Латкин объявил имена победителей. Среди художников первую премию — почетную грамоту школы — получил Борис Тудор. Восьмиклассники Виктор Свинын, Павел Фадеев и семиклассник Вячеслав Волохов, рисунки которых признаны лучшими, награждены сборниками избранных произведений Пушкина.

Владимиру Рыжкову за лучшее стихотворение вручен сборник драматических произведений поэта.

Зрительный зал. Множество знакомых лиц. Внимательно слушает старейшая учительница школы Александра Александровна Красильникова, вместе с ней Сергей участвовал в слете учителей-ударников в Петрозаводске. Вот преподаватель русского языка и литературы Екатерина Петровна Тышкевич, первый критик Сереежиных стихов, учитель физики и математики Лев Николаевич Алексеевский.

Несколько рядов заняли ребяташки в красных галстуках, для них Сергей — вожатый, старший товарищ. Вася Жеребцов гордо оглядывает друзей, когда докладчик произносит его имя. Вот одноклассники Митя Варфоломеев, Володя Рыжков. Шура Матвеев рядом с лучшими друзьями Яшей Жарковым и Колей Рубцовым. Девчата держатся вместе: неразлучные подруги Нина Тихонова и Маруся Лежева, поправляет кудри Августа Власова, рядом с ней худенькая девушка с интересом и волнением следит за симпатичным пареньком на сцене, ловит каждое его слово, каждый жест.

Сергею не привыкать к выступлениям перед большой аудиторией. Но, стоя на этой сцене, он с трудом сдерживает волнение: ведь в зале она, новая девушка из его класса, Нина Вдовина.

Сергей уверенным тоном повествует:

— С большим уважением и любовью к пушкинским произведениям относятся наши школьники. В своих альбомах они рисуют десятки портретов поэта, его друзей и родных, пишут множество стихов. Стихи ребят в своем большинстве еще незрелы, написаны без соблюдения правил стихотворной речи, но тем не менее они выражают огромный интерес детей к Пушкину. Так, например, в стихах учеников средней школы лесозавода ярко выражена беспредельная любовь к великому поэту и его произведениям.

*...Будут все помнить, о чем ты писал,
Как к борьбе за свободу всех призывал...
...Скоро сто лет, как убили тебя,
Но мы каждую строчку читаем любя...
...Нет, не забыть о поэте таком,
Который нас учит великим трудом!..*

Так отзывается о любимом поэте Жеребцов Вася, ученик шестого класса.

О жестоком веке, в котором жил А.С. Пушкин, пишет ученик шестого класса Колыбин:

*...Он жил в жестокий век —
В век доносов и гонений.
Для царя он вредный человек,
Для нас же Пушкин — гений!..*

Нина Афанасьева, ученица девятого класса, в заметке в стенную газету пишет: «Я много читала Пушкина... Если сравнивать его произведения с произведениями его современников, то Пушкин на целую голову выше их. Его язык прост, отличается высокой культурностью даже и сейчас, через сто лет...»

Весь многонациональный народ нашей необъятной социалистической родины чтит великого Пушкина — певца свободы, родоначальника русской литературы, чья музыка стихов никогда не перестает звучать. Чтут и любят его наши советские дети — будущие строители коммунизма...

После доклада концерт. Ученики младших классов под руководством Александры Александровны Красильниковой показали «Сказку о мертвой царевне и семи богатырях». Восьмиклассники, которым помогла раскрыть образы пушкинских героев учительница Анна Марковна Костяновская, — картины из поэмы «Цыганы».

В июне 1937 года первый выпуск десятиклассников состоялся. Их было двенадцать: Дмитрий Варфоломеев, Нина Вдовина, Августа Власова, Яков Жарков, Сергей Козырев, Сергей Латкин, Мария Лежева, Александр Матвеев, Григорий Романов, Николай Рубцов, Владимир Рыжков, Нина Тихонова. Все — особенные, каждый по-своему талантлив, у каждого намечена цель в жизни. Преувеличение? Судите сами. Дал первый выпуск стране дипломата, полковника, почетного нефтехимика СССР, заслуженного врача РСФСР, заслуженного учителя Карелии. Нет сомнений в том, что и остальные прославили бы наш Беломорск, если бы не война.

Нам открыты все пути

В июне 1937 года первые выпускники средней школы лесозавода получили аттеста-

ты. Гордость выпуска — Александр Матвеев, он окончил десять классов на «отлично» по всем основным предметам и получил право поступления в высшую школу без вступительных экзаменов.

На торжественном вечере в школе Александр обратился к педагогам со словами благодарности. Свою небольшую речь завершил обещанием: «В институте я буду учиться только на «отлично». Буду учиться и работать так, как учились и работали великие люди человечества — В.И. Ленин, И.В. Сталин, С.М. Киров...»

По инициативе секретаря Сорокского райкома комсомола Сергея Логинова выпускники поощрены экскурсией в Ленинград. Начали знакомство с городом с Невского... простите, с проспекта 25 Октября. Архитектура каменных домов, скульптуры, яркие витрины, сверкающая на солнце далеко впереди игла Адмиралтейства производят впечатление даже на тех ребят, кто уже посещал Ленинград ранее. После жары отдохнули в прохладе Казанского собора, поднялись по узкой лестнице на смотровую площадку Исаакиевского собора. Петергоф. Наблюдая, как стекает вода по золоченым ступеням, и лакомясь шоколадным эскимо, шутивно поспорили, какой фонтан лучше, и направились к заливу. Отдыхали, загорали, купались, подкрепились взятыми с собой бутербродами.

Но главная цель поездки — посещение институтов, в которых планируют учиться вечерние десятиклассники.

Во Второй Ленинградский медицинский институт поступила Августа Власова.

Нина Вдовина собиралась поступать вместе с подругой, но заболела, пропустила прием. Девятнадцатым августа 1937 года датировано заявление гражданки Вдовиной Нины Павловны директору Ленинградского педагогического института им. Герцена: «Прилагая при сем аттестат об окончании средней школы, автобиографию и две фотокарточки, прошу допустить меня к испытаниям на 1-й курс географического факультета».

Митю Варфоломеева приняли в Ленинградский Краснознаменный химико-технологический институт им. Ленинградского Совета, крупнейший в то время в СССР вуз такого профиля.

Сергей Козырев и Григорий Романов поступали в Военно-топографическое училище. Сerezу приняли в число курсантов, Грише пришлось вернуться домой. Николай Рубцов стал студентом Института инженеров гражданского воздушного флота.

Сергей Латкин подает документы в Ленинградский коммунистический институт журналистики им. В.В. Воровского. В общежитии института Сергей вместе с другими абитуриентами готовится к экзаменам. В руках у юноши «Краткая история ВКП(б)», книга новая, издана в прошлом году. Но... дело в том, что чуть более месяца назад автор учебника был арестован за шпионаж в пользу иностранных разведок.

Экзамены Сергей не сдал. Кроме того, из института в адрес Сорокского райкома комсомола было отправлено письмо следующего содержания: «Доводим до вашего сведения о том, что решением мандатной комиссии тов. Латкину в приеме в институт отказано... проживая в общежитии КИЖа, готовился к приёмным испытаниям по истории партии по учебнику Кнорина. На замечание товарищей о том, что по Кнорину готовиться нельзя, ответил грубостью, учебник Кнорина сдать отказался».

Александр Матвеев и Владимир Рыжков направились в Москву. Александр отнес документы в институт инженеров железнодорожного транспорта. Владимир поступал в Московскую академию связи имени Подбельского, но не сдал один из предметов и вернулся домой.

Якову Жаркову мечту о поступлении в военную школу пришлось отложить. В сентябре 1937 года он избран в президиум райкома комсомола и назначен заведующим отделом пионеров Сорокского РК ВЛКСМ, в марте 1938 — заместителем секретаря райкома комсомола. В то же время он сотрудничает с «Беломорской трибуной», и вскоре Якова зачислят в штат.

С сентября 1937 года в Государственном педагогическом институте имени Герцена учится маленькая, но очень дружная семья. Сергей Латкин — студент филологического факультета, Нина Вдовина — географического. Родилась дочь Люба. В следующем году к «беломорскому землячеству» присоединились поступившие на физико-математический факультет Володя Рыжков и Митя Хейман.

В клубе института в прекрасно оборудованной шахматной комнате имеются комплекты для игры, специальные столики для игроков и даже небольшая библиотека. Председателем шахматной секции в 1940 году избрали второкурсника физико-математического факультета Дмитрия Хеймана. Молодой человек поставил перед собой грандиозную цель: добиться, чтобы все студенты играли в шахматы, участвовали в межфакультетских соревнованиях, а лучшие шахматисты — в чемпионатах института. Ведь эта игра, считает он, тренирует мышление, дает возможность культурно отдохнуть. А будущий педагог, безусловно, должен быть умным, всесторонне развитым человеком. Дмитрий и сам неоднократно победитель шахматных баталий. Наравне с ним сражаются Владимир Рыжков и Сергей Латкин.

В институтской газете «За большевистские педкадры» можно найти заметки Сергея. Рассказывает о четверокурснице физико-математического факультета Паше Опариной, успешно совмещающей учебу с воспитанием троих сыновей. Пишет о проблемах — к примеру, о том, что в рабочей комнате семейного общежития слабое освещение, не всегда имеются чернила, что необходимо до начала сессии открыть комнату отдыха для студентов и детскую комнату.

26 апреля 1939 года у Сергея и Нины родилась вторая дочь, Елена. Ее рассказ о студенческой жизни родителей основан на воспоминаниях близких:

— Родители мои жили весело и дружно. Папа учился и работал учителем в вечерней школе при знаменитом Кировском заводе. Отдыхать родители любили в Петергофе. Друг друга хорошо понимали. Когда появилась я, папа отпускал маму в театр, а мама отпускала папу на его любимый футбол. В музеи ходили вдвоем, со мной в это время нянчились студенты. Я росла очень спокойным, здоровым ребёнком, студенты меня любили, и я их взаимно. По вечерам у нас собирались папины друзья, играли в шахматы, и я обязательно с ними, по очереди на коленях у кого-нибудь, с папиной шляпой на голове.

Четвертый курс. Постановлением СНК СССР от 2 октября 1940 года вводится плата за обучение для всех учащихся 8-10 классов средних

школ, студентов вузов, техникумов и училищ. Несмотря на «возросший уровень материального благосостояния трудящихся», часть студентов переходит на заочную форму обучения либо вообще уходит из института. Пишет заявление и Латкин: «... мое положение не позволяет продолжить учебу. Женат, двое детей. Жена — студентка 4 курса географического факультета. Мне необходимо работать, чтобы жена могла в этом году закончить институт».

Педагога с практически окончанным высшим образованием охотно берут на работу преподавателем в неполную среднюю школу №4 Беломорска. К очень большому сожалению, мне не удалось найти сведений о педагогической деятельности Сергея. Разве что воспоминания о нем учительницы русского языка и литературы Надежды Васильевны Конахиной. Она рассказывала, что Сергей Константинович Латкин, у которого ей посчастливилось учиться в пятом классе, был одним из педагогов, который на всю жизнь привил ей любовь к чтению. Остались в памяти его уроки — интересные, увлекательные. Еще ярче в памяти моменты, когда вместе с учителем ребята оформляли стенные газеты. «Потом у нас будут газеты большие-большие, во всю стену», — обещал учитель.

Школа, заочная учеба занимали все время. К работе в районной газете Сергей возвращался лишь летом. Рассказывал о железнодорожниках, лесозаготовителях, на попутных машинах выезжал в колхозы.

Мы — беломорцы!

Июнь 1941 года выдался жарким. Голубое небо, яркое солнце — самое время подумать о вылазке на природу, о купании, но нашим студентам не до отдыха: идет сессия. Государственные экзамены сдают Нина Вдовина и Николай Рубцов, Митя Варфоломеев проходит преддипломную практику на одном из заводов Куйбышевской области. Володя Рыжков и Митя Хейман сдают испытания за третий курс.

О чем мечтала студентка 4 курса педагогического института Нина Вдовина, успешно ответив на вопросы билета по физической географии СССР? Наверное, о том, что всего через несколько недель получит диплом, с которым вернется в ставший родным Беломорск. Утром

1 сентября 1941 года вместе с мужем направляются в школу учить ребятишек. Наверное, не все сразу пойдет гладко, но Сережа — опытный педагог, обязательно даст дельный совет, подскажет, как завоевать уважение учеников.

Воскресенье, 22 июня. Обычное утро, разве только гул самолетов в небе... скорее всего, учения.

В полдень всеми радиостанциями Советского Союза передано Обращение к советскому народу заместителя председателя Совета Народных Комиссаров Союза ССР и народного комиссара иностранных дел Вячеслава Михайловича Молотова: «Сегодня, в 4 часа утра, без предъявления каких-либо претензий к Советскому Союзу, без объявления войны германские войска напали на нашу страну...»

В помещении студенческого клуба с первого дня войны работает призывной пункт. Записываются добровольцами преподаватели, выпускники, студенты. Среди них Владимир Рыжков и Дмитрий Хейман. Дмитрий попал в отдельный пулеметно-артиллерийский батальон, ведущий бои на подступах к Ленинграду. Владимир направлен Куйбышевским райвоенкоматом в распоряжение начальника Ленинградского артиллерийского училища тяжелой артиллерии.

В сентябре 1941 года после ранения возвращается в институт Митя Хейман. Сдает оставшиеся с летней сессии экзамены и продолжает учебу на четвертом курсе. Оставшиеся без продуктов и денег, без возможности получить помощь от родных, в неотопливаемых общежитиях блокадного Ленинграда, студенты голодали, болели — но продолжали учиться. «Встретил совершенно случайно Митю Хеймана. Одолжил ему 100 рублей. Мне деньги не нужны, я обеспечен всем», — сообщает в письме родным от 2 декабря 1941 года Сергей Латкин, младший лейтенант 404-го артиллерийского полка. В январе Дмитрий тяжело заболел, сказались ранение, голод, на госэкзамены не явился: не смог встать с кровати. Тем не менее комиссия по распределению выдала Дмитрию назначение в Красноярский краевой отдел народного образования. В 1943 году Дмитрия, учителя физики и математики сельской школы, призвали в ряды Советской армии и направили в военное училище.

327-й гвардейский ордена Богдана Хмельницкого полк, в котором служил командир пулеметной роты Хейман, освобождал Польшу, Венгрию, Чехословакию. На подступах к Праге, при выполнении задания командира полка Дмитрий был тяжело ранен.

Только в 1962 году Д. Хейман получил удостоверение об окончании физико-математического факультета Ленинградского педагогического института им. А.И. Герцена с присвоением квалификации учителя физики средней школы. До выхода на пенсию преподавал физику в школе рабочей молодежи в городе Горьком.

Николай Рубцов, студент 5 курса, призван Петроградским районным военкоматом Ленинграда 25 августа. С ноября 1941 года Николай на фронте. Перед первым боем он пишет письмо Якову Жаркову: «Я иду в бой за любимый Ленинград. Чувствую себя бодрым. Не боюсь сражаться с врагами. Я задам перцу фрицам и гансам. Будут знать, что такое Ленинград». В следующем письме сообщает: «Сначала в бою показалось трудно, но мы не из таких, чтобы бояться трудностей. Мы — беломорцы! Сколько уложил фрицев — не помню, но стрелял я метко, за всех вас: за тебя, за Валю, за маму, за Шурика, за Катю, за наше детство, за Ленинград и Беломорск. Теперь на нашем участке фронта фрицы не рыпаются — крепко мы их прижали. Из звериных нор и нос показать бояться». В конце ноября Николай Рубцов был серьезно ранен, в январе 1942 года вернулся в строй.

Дмитрия Варфоломеева война застала в Куйбышевской области, он проходил практику на заводе, специализирующемся на выпуске химического оружия. Завершить дипломный проект не успел: в декабре 1941 года призван в Красную армию, в войска радиационной и химической защиты. В 1948 году старший техник-лейтенант Варфоломеев заочно окончит Уральский индустриальный институт им. С.М. Кирова с присвоением квалификации инженера химика-технолога по специальности «Химическая технология топлива».

В 1942 году состоялся первый военный выпуск Московского института инженеров железнодорожного транспорта. Александр Матвеев получил направление в Управление Кировской железной дороги (Обозерская ветка). С осени

1941 по 1944 год Беломорск был столицей Карелии. В этот город из Петрозаводска перебазировались правительство республики, организации, в том числе и Управление Кировской железной дороги. Таким образом, Александр оказался в родном городе. Вернувшись домой, стремился ли он узнать о судьбе своих друзей? Наверняка. Горькими были эти вести. Перестали приходить письма от Володи Рыжкова. Близкий друг и одноклассник Коля Рубцов умер в эвакогоспитале в Ленинграде.

Стратегическое значение участка Сорокская-Обозерская трудно переоценить. По рельсам перевозились военные грузы и продовольствие, осуществлялось снабжение Карельского фронта. Александр понимал важность своей работы, но одно за другим писал заявления с просьбой отправить его на фронт.

20 сентября 1942 года: «На фронте отдали свою жизнь за Родину самые дорогие и близкие мне люди. Мой долг, желание и справедливое требование жизни — встать на место брата и лучшего друга, отомстить за них и собственной кровью отстоять свою честь и свободу. Каждый патриот должен занять свое место в рядах, борющихся за нашу независимость. Мое сегодняшнее место — в рядах действующей Красной армии». Это, третье по счету, заявление было удовлетворено. Матвеев был назначен командиром отделения партизанского отряда «Комсомолец Карелии». Совершал вместе со своей группой рейды в тыл противника, неоднократно ходил в разведку. Награжден медалью «Партизану Отечественной войны» I степени.

В марте 1944 года Матвеев отчислен из отряда и направлен в Москву на учебу в Высшую дипломатическую школу. В 1947 году — первая командировка в Берлин в качестве политсоветника в Советской военной администрации в Германии. Затем работа в посольствах в ФРГ, Голландии, Австрии.

Нина Вдовина

— В дом №1 по Северной набережной привез меня и маму папа из Ленинграда за день до бомбёжки города, — рассказывает Елена Сергеевна Степина. — Этот дом нас принял и стал родным на всю жизнь. Бабушка (папина мама) была умнейшей и добрейшей

женщиной. Она приняла маму как родную дочь, помогала ей, они жили очень дружно.

Вместо диплома справка о допуске к государственным экзаменам и характеристика, в которой указано, что студентка 4 курса географического факультета Ленинградского государственного педагогического института им. Герцена Вдовина Нина Павловна рекомендуется в качестве преподавателя средней школы. С 1 сентября 1941 года Нина Павловна учит детей географии в Беломорской средней школе.

Эшелон за эшелонам эвакуировалось из Беломорска гражданское население. Уезжали дети — закрывались школы. Среднюю школу закрыли последней — 6 ноября 1941 года.

Эвакуация в Свердловскую область. В неполной средней школе села Сладково Слободотуринского района нашлось для Нины место. Преподавала не только географию, но и историю, изучала с семиклассниками сталинскую Конституцию. Жила ожиданием писем от мужа. Писал он часто: для бойца это была возможность хотя бы мысленно побыть с семьей. В каждом письме Сергей интересовался, как живут его маленькие доченьки, как их здоровье. «Много бы я сейчас дал за то, чтобы увидеть их... Ведь они любили меня, и, надо признаться, здорово, особенно моя маленькая, пухленькая, неповоротливая, хитрая Эля. Целуй их за меня, обними и расскажи, где я», — писал Сергей Латкин жене в апреле 1942 года.

«Я много думаю о тебе, — обращается он к жене, — десятки раз перебираю все факты или случаи наших отношений... Особенно часто вспоминается Беломорск, где у нас с тобой, пожалуй, прошли лучшие дни совместной жизни...

Всегда вижу перед собой Елену и Любовь. Но они теперь, наверное, сильно изменились и забыли своего папу. Привет им, привет! Много раз лаской и целуй обеих за меня. Ведь я так любил шалить и возиться с ними! Меньше я думаю о будущем, мне не верится, что оно для нас настанет. Лишь одно, не задумываясь, могу сказать: удачно пройдет для меня война, тогда жизнь наша с тобой будет прекрасна, как и ты сама...»

Узнав, что Нину назначили завучем школы, обращается к ней: «товарищ директор». Шутит: «Если мне суждено будет вернуться к тебе после

войны, то, по всей вероятности, ты уже будешь настолько опытным администратором, что, наверное, меня забракуешь даже преподавать русский язык и литературу в средней школе, мотивируя это тем, что я во время войны все приобретенное в институте успел позабыть».

Из писем родные узнают о фронтовых буднях:

«Я так уже привык к ежедневной артиллерийской канонаде, к тархтению пулеметов, свисту пуль, что все это меня меньше удивляет, чем часы, в которые бывает полное затишье. Было время, когда снаряд со злобным шипением летел над тобой и ты невольно прижимался к земле. Теперь же почти не обращаешь на это внимания, знаешь, что он пролетит дальше метров за 500-700. Да, привычка большое дело! Кончится война, если удастся мне благополучно вернуться к вам, немало я порасскажу боевых эпизодов из нашей боевой жизни, о том, как мы долбили нашими «чемоданами» фрицев и гансов... О, еще не так много пройдет времени, и будь уверена, фашисты на своей спине ощутят нашу силу, силу, которая сомнет их и заставит более благородно думать о достоинствах русского народа».

«В отношении военных действий могу сказать только одно: в любое время готовы выполнить приказ тов. Сталина, т.е. двинуться вперед, на запад! О, немец сейчас ведет себя совершенно иначе, чем осенью прошлого года! Силы фашистов ослабели, дух упал... Правда, если нас ему не под силу взять, так он предпочитает обстреливать из дальнобойных пушек Ленинград. Ведь в его привычке «воевать» с детьми, женщинами, стариками».

«Незаметно, Ниночка, наступило лето. Тепло! Кругом зелень, птичьи голоса, теплый ветерок шуршит в молодой листве. Право, иногда, глядя на прелесть природы, забываешь действительность, и только орудийный раскат и свист снаряда, разрыв и столб поднятой земли напоминают о войне...» (10 июня 1942 г.)

«Война переделывает людей, — пишет боец 11 ноября 1942 года. — От прежней беспечности, обломовщины у меня ничего не осталось. Научились сами шить, без мамушек и женушек, все делаем сами, шьем, стираем, варим...»

Весной 1943 года на адрес школы пришло письмо. Однополчанин Сергея писал, что муж ее был тяжело ранен и отправлен в госпиталь.

Больше сведений о нем Нина Павловна не получала.

Нина хранила память о Сергее. Старалась, чтобы и дочь не забывала папу.

— После войны мы с мамой каждый год ездили в Ленинград, — рассказывает Елена Сергеевна Степина. — Знаю меня с городом, мама начинала рассказывать со слова «запомни». Говорила: «Запомни, это Дибуны, сюда был направлен твой папа, в этих местах началась его служба... А вот Мойка. А вот наше общежитие, а вот окно нашей комнаты... А вот Казанский собор, здесь бабушка Рая с тобой гуляла и каждый раз забывала дорогу, и папа шёл вас встречать... Запомни, это Куйбышевский район, вот здание, в нем папа оформил на тебя документы, когда ты родилась. Назвал Елена и дал фамилию Латкина...»

Нина Павловна руководила самой большой школой Беломорска вплоть до 1974 года.

В 1988 году город отметил свое 50-летие. В связи с этим знаменательным событием было учреждено звание «Почетный гражданин города Беломорска». Первыми стали шесть человек: строители, представители деревообрабатывающей и рыбной промышленности, и — учитель, Вдовина Нина Павловна.

Эпилог

Помните, зима 1935 года... Юноши беседуют о смысле жизни, рассуждают о будущем. Реализации планов помешала война. Умер от ран в полевом госпитале младший лейтенант Сергей Константинович Латкин. Ростислав Александрович Палагичев учился в Высшем военно-морском инженерном ордена Ленина училище им. Ф.Э. Дзержинского. В начале 1942 года училище перебазировано в Баку. Курсанты принимали участие в охране Апшеронского полуострова, участвовали в боевых походах и операциях. Окончил службу капитан-лейтенант Палагичев в 1962 году.

Командир второй стрелковой роты гвардии младший лейтенант Леонид Васильевич Егоров убит в бою 3 февраля 1944 года. Предан земле в деревне Вязки Поддорского района Ленинградской (ныне Новгородской) области. Не вернулся с фронта Борис Григорьевич Тарутин. По сей день числится он в списках про-

павших без вести. Леонид Самуйленок прошел две войны, финскую и Великую Отечественную. Защищал Ленинград. После Победы жил в Ленинграде, был водителем третьей колонны Второго таксомоторного парка.

В 1965 году школа №1 Беломорска начала подготовку к своему 30-летию юбилею. Поручили пионерскому отряду имени Аркадия Гайдара разыскать первых выпускников. Юным следопытам удалось узнать о трагических судьбах Владимира Рыжкова, Николая Рубцова, Августы Власовой и Сергея Латкина. Получены ответы от Александра Матвеева из Бонна и от Дмитрия Варфоломеева из Уфы. Выяснили, что двое из выпускников — заслуженный врач РСФСР Мария Лежева и Григорий Романов работают в Петрозаводске, Нина Вдовина и Нина Тихонова — педагоги Беломорской школы №1.

Не удалось разыскать Якова Жаркова. Александр Матвеев рассказал, что встретил его в 1949 году в Берлине. Яков служил тогда офицером в Группе советских войск в Германии.

Мало сведений о Григории Романове. Из документов, размещенных на сайте «Память народа», известно, что ушел он на фронт в августе 1941 года из Беломорска. Награжден медалью «За боевые заслуги».

Сергей Козырев окончил Ленинградское военно-топографическое училище, воевал на

Южном, Закавказском, Сталинградском, Украинском фронтах. Закончил службу в 1957 году в звании майора.

«Вам очень благодарна за Ваш труд и искреннее желание напомнить всем нам про людей, которые сделали нашу страну великой своим бескорыстным трудом, воинскими подвигами, уважением к истории и народу, беззаветному служению Родине», — слова из письма дочери Дмитрия Варфоломеева Татьяны Данильян. В свою очередь мои слова благодарности Татьяне Дмитриевне и всем, кто по мере сил помогал мне в поиске сведений о героях книги: Елене Сергеевне Степиной, дочери Сергея Латкина и Нины Вдовиной, дочери Александра Матвеева — Елене Александровне Васильевой, дочери Марии Лежевой — Галине Михайловне Поттер, племяннице Леонида Егорова — Евгении Викторовне Смирновой, дочери Леонида Самуйленка — Марине Леонидовне Александровой, внукам Дмитрия Хеймана — Денису и Виталию, внуку Анатолия Зелянина — Александру, директору музея РГПУ имени А.И. Герцена Екатерине Матвеевне Колосовой, редактору газеты «Беломорская трибуна» Наталье Борисовне Отченаш.

Татьяна Ильинична ТИТОВА

родилась в 1965 году в Кемь.

В 1990 году окончила исторический факультет

Петрозаводского государственного университета.

С 1996 года работала в районной газете «Беломорская трибуна».

Член Союза журналистов России.

Автор сборника очерков «Мое Поморье», изданного в 2010 году,

одна из авторов-составителей

книги «Трибуна сопричастности» (2013 год).

Воспитала четверых

сыновей и дочь. Живет в Беломорске.

